

Константин Макаревич

Константин Григорьевич Макаревич (1922 г.р.) – ведущий научный сотрудник ТОО «Институт географии» АО «ННТХ «Парасат» Министерства образования и науки Республики Казахстан, гляциолог и альпинист. Более шестидесяти пяти лет посвятил исследованию ледников, снежных вершин, отрогов и хребтов Заилийского и Кунгей Алатау, Джунгарского Алатау и Алтая. Двадцать лет представлял Советский Союз в Мировой Службе мониторинга ледников в Швейцарии. Автор более 200 научных публикаций по проблемам гляциологической науки, популярных страноведческих книг и мемуаров.

ЖИЗНЬ, ПОСВЯЩЕННАЯ ЛЕДНИКАМ¹

Дорогим коллегам, соратникам,
подвижникам и энтузиастам
исследований горных ледников
ПОСВЯЩАЕТСЯ

«Жизнь, посвященная ледникам» – это рассказ о пройденном автором жизненном пути на поприще гляциологии – науки о ледниках и других природных образованиях, в которых снег и лед играют решающую роль. За многие годы путешествий в качестве исследователя ему довелось побывать на ледниках Джунгарского Алатау, Алтая, Кавказа, Памира и Альп, но свои силы и знания он сосредоточил главным образом на изучении ледников Тянь-Шаня.

История географического изучения Центральной Азии складывалась так, что во второй половине XIX и первой половине XX века основное внимание исследователей было привлечено к высокогорьям, увенчанным шапками снежных вершин и сползающим с них ледникам. Накопление общих сведений об огромных скоплениях льда, их классификация и первая каталогизация ледников подготовили основу для последующего развития гляциологии в указанном регионе.

Изучению сущности происходящих в ледниках процессов была посвящена вторая половина минувшего столетия. В это время географо-геофизические науки направили свои усилия на углубленные исследования всего многообразия жизни ледников. Практически в этот период автор и включился в эти исследования, руководствуясь тем, что все это многообразие может быть достоверно охарактеризовано только количественной информацией, необходимой для анализа, теоретических обобщений и прогнозирования эволюции оледенения. Решение гляциологических задач было под силу только научным коллективам, состоящих преимущественно из молодых специалистов, обладающих здоровьем, знаниями и твердым характером, чтобы работать в трудных условиях гор. Один из таких коллективов, созданный автором, на протяжении нескольких десятилетий проводил широкий комплекс исследований в самом северном хребте Тянь-Шаня Заилийском Алатау и других горных районах Казахстана. Все это нашло отражение в представленной читателю повести-эссе.

¹ Журнальный вариант

Вследствие возникающих перед современными авторами проблем издания их работ в условиях рыночной экономики, не говоря о распространении их в читательской среде, приходится до минимума сокращать объемы трудов, сосредоточиваясь в большей степени на научных сторонах исследований. Однако географические науки, тесно связанные с экспедициями, имеют в своем арсенале множество занимательной, интересной и полезной, поучительной и романтической информации о том, как приходится путешественнику преодолевать массу трудностей и опасностей на пути к объектам исследований и при работе на них в экстремальной среде, далекой от привычного комфорта. Эту сторону жизни экспедиций и множества коллизий, возникающих перед их участниками, автору пришлось опустить или сказать о них предельно кратко. А пока оптимизм автора вселяет надежду, что даже то, о чем рассказано, будет интересно тем, кто любит природу, интересуется географическими проблемами современности, стремится расширить свой кругозор, понять, что происходит во внешней оболочке Земли в настоящее время и каким самоотверженным трудом добываются знания об этом.

Автор преднамеренно не стал выделять в повести разделы, главы и параграфы, считая, что его жизнь и научная деятельность представляла собой непрерывный конвейер, направленный в одну сторону. И по мере продвижения вперед на нем возрастало количество и качество полученных знаний о природе гор и ледников, и все это было неразрывно связано во времени и пространстве.

Трагические события на Кавказе осенью 2002 года, когда погибло много людей, подтолкнули меня к этой работе...

Горы и ледники не прощают забвения и карают за это жестоко. Горная гляциология оказалась пасынком науки, перестала финансироваться должным образом, подготовка молодых гляциологов была сведена на нет, и горные ледники почти полностью выпали из ее внимания. Нельзя спокойно смотреть на создавшееся положение, и, чтобы его изменить, потребуется новое поколение молодых, здоровых, полных энергии и энтузиазма учёных, способных работать в экстремальных условиях. Гляциология – самая скромная по насыщенности кадрами наука, но она призывает к себе людей, сильных духом и телом, совместимых между собой натурой и характером.

Это повествование я пишу о себе. Но оно обращено к молодым людям, выбирающим свой путь в жизни, любящим природу, исподволь воспринимающим ее современное развитие в меняющемся мире нашей планеты. Думаю, что оно будет интересно и широкому кругу читателей, которых привлекают современные проблемы наук и, в частности, такой, казалось бы, экзотической, как гляциология. Прочитав эти научно-популярные очерки, они узнают о том, какие задачи стоят перед горной гляциологией, как с ней сочетаются смежные географические науки и технические достижения, какие практические результаты из нее следуют.

Взявшись за перо, я не ставил задачу саморекламы или рисовки перед читателем. Настрой был такой, чтобы в ненавязчивом стиле и с большим желанием избежать назойливого местоимения «Я», не говорить о себе, как о каком-то исключительном субъекте, и постараться учесть высказанное в свое время мнение известного французского писателя Стендаля, что только полнейшая искренность может заставить читателя забыть вечное выпячивание автором своего «я». Мне не свойственен эгоизм, а присущие человеку эгоизм и альтруизм во мне находятся в неустойчивом равновесии. Отдаюсь в руки читателя, пусть он рассудит мое умозаключение.

В этом повествовании нет никаких преувеличений событий, надуманных фактов. Здесь я строго придерживался объективности и лишь в редких случаях высказывал свое личное мнение по тем или иным вопросам.

Несмотря на автобиографичность очерков, у меня не было намерения подводить итоги своей гляциологической деятельности. Скажу о них насколько возможно коротко, и они будут касаться не только меня, но и всего коллектива сотрудников, с которыми работал не одно десятилетие.

Итак, речь идет о гляциологии, о пути к ней, о том, что нужно преодолеть, пережить в детстве, юности, в молодые и зрелые годы, чтобы служить ей всю жизнь. Задача непростая. Где корни жизненных устремлений, откуда они берут начало? Наверное это всеобщая загадка, ибо пути у всех разные и генетически объясняются далеко не всегда. Примеров тому не счесть, а передача увлечений и профессиональной направленности по наследству не столь очевидна, и новые поколения идут своим путем.

О своей родословной мне известно немного, потому что о ней в семье старались не говорить по известным в советские времена причинам. Знаю, что один мой дед Никита Жуковски был польский шляхтич (столбовой дворянин), участвовал в середине 19 века в революции против царского самодержавия. После ее подавления бежал из Польши и оказался в Белоруссии, так как на запад пути были перекрыты. Женился на белорусской девушке, принял фамилию Макаревич, чтобы избежать преследований агентов охраны. Мой отец Григорий Никитич, один из пяти его детей, в 13 лет перебрался из деревни в Санкт-Петербург по зову старшего брата. Другой дед Николай Синельников был полковником царской армии и служил в российской столице, а поместье имел в районе известного железнодорожного узла Синельниково на Украине. Судя по скудным рассказам, оба деда были весьма энергичными людьми. Об одной бабушке ничего не помню, а вторая, Марфа Гавриловна, жена Николая, пела в Мариинском театре в Санкт-Петербурге. Их дочерью была моя мать, Лидия Николаевна. Она имела специальность бухгалтера-экономиста. Отец же занимался внешнеторговыми поставками по заданию соответствующего Наркомата и в связи с этим оказался в российской глубинке за Уральским хребтом. Вот тут в 1922 году родился я, в заштатном городке Шадринске, ныне Курганской области, в степной местности, также удаленной от гор, как и болота моих родителей. Через несколько лет они перебрались в Свердловск (Екатеринбург), где я рос, учился в школе и техникуме, откуда ушел на фронт, куда вновь вернулся, где учился в Уральском государственном университете сначала на физмате, а затем на географическом факультете.

Родители не отличались какими-то особенными физическими данными, которые бы выделяли их среди окружающих, но каждый из них имел здоровое сердце и легкие, и весь организм обеспечивал им нормальную жизнеспособность. Все это они наследовали мне, всячески содействовали моему психофизическому развитию. Они закалялись сами и закаляли меня, приучили делать утреннюю физзарядку и холодные обтирания мокрым полотенцем в нашем прохладном жилье. Оба они были людьми волевыми, и это было написано на их лицах. По молодости я этого не замечал, но подсознательно впитывал это качество. Несмотря на низкий материальный уровень семьи в тяжелые тридцатые годы двадцатого столетия, родители стимулировали мое физическое развитие, обеспечивали меня коньками, лыжами, футбольным и другим инвентарем и спортивной обувью, в то время весьма неказистой на вид по сравнению с шиком «Adidas» или других современных фирм. Тогда мы были рады тому, что на ногах у нас спортивные на резиновой подошве, а на теле хлопчатобумажный трикотаж. Родители преследовали и не менее благородные цели – отвлечь мою энергию от дурных влияний улицы, от компаний, в которых мои сверстники курили, баловались алкоголем и азартными играми. Мне всё это было неинтересно, мои силы и энергия уходили на физические упражнения, а азарт – на спортивные поединки. В детстве и юности я увлекался коньками, бегал на лыжах, прыгал с лыжного трамплина, играл в русский хоккей, участвовал в дворовых, уличных и школьных командах. Посеще-

ние катка в выходные дни было неотъемлемой частью досуга. Более полезного времяпрепровождения и придумать было невозможно, хотя уже появились дансинги под натуральную джазовую музыку, где можно было потанцевать, пообщаться с друзьями без алкоголя и папиросного дыма. Меня не очень прельщали такие развлекательные мероприятия. Более всего меня интересовала музыка, лирический и зажигательный джаз, опера, балет, драма. Особенно любил музыкальные комедии, не пропустив в известном свердловском театре ни одной оперетты.

В мои юные годы атмосфера жизни была неспокойной по многим причинам. То было время, когда страна готовилась к грядущим битвам на полях войны и делала все для того, чтобы молодые люди, парни и девушки, были физически здоровыми, обладали многими качествами спортивного характера, были готовы к труду и обороне, умели оказывать неотложную медицинскую помощь, проявляли лучшие черты человеческого достоинства в жестких условиях тоталитарной идеологии. Политика государства определяла направление физического воспитания народа и не на уровне словесных деклараций, а самым решительным образом создавала финансово-материальную базу для реализации поставленной цели. К этому были привлечены профсоюзы и другие негосударственные организации.

В то время помимо дворцов пионеров, в которых много внимания уделялось интеллектуальному и физическому воспитанию, действовало множество спортивных обществ, и молодым людям был предоставлен широкий выбор, куда направить свои устремления. На предприятиях, в вузах, техникумах и в профтехучилищах работали различные спортивные секции по интересам.

В середине тридцатых годов на стенах школ, техникумов, вузов, профсоюзных организаций, на стендах стадионов и других организаций появились большие плакаты, на которых были представлены легкоатлетические нормы, которые должен сдавать каждый школьник, студент, член спортивных секций и любой желающий. Каждый из нас, юных, включился в захватывающее соревнование между собой, пытаюсь лучшим образом выполнить нормы. У одних моих сверстников я выигрывал, другим проигрывал и тем самым узнавал, в чём я силен, а где надо еще хорошо поработать, чтобы достичь лучших показателей. Соревновались мы заочно и только на стенде, где вывешивались наши показатели по тому или иному виду легкой атлетики, мы видели, кто в чём преуспел, а в чем приотстал. Все мы понимали, что выше себя не прыгнешь, но старались взять максимально возможную высоту. А потом, выполнив все нормы, с гордостью носили на груди значок БГТО (Будь готов к труду и обороне), затем ГТО, если удавалось выполнить очень высокие нормы, то и значок Отличника ГТО.

Все виды спортивных состязаний при сдаче норм ГТО воспитывали в нас очень важные черты психофизического характера: быстроту реакции на какое-то мгновенно происходящее действие вне нас самих при максимальном проявлении хладнокровия. В течение всей моей жизни эти качества помогали мне как при взаимоотношениях с людьми, так и спасали меня от травм и, более того, от летальных исходов в горах и на войне. Но об этом ниже.

После окончания семилетки я вынужден был по семейным обстоятельствам (отца репрессировали по «модному» в те времена ложному доносу) продолжать учебу в Свердловском горно-металлургическом техникуме Минцветмета. Здесь наряду с успешной учёбой мне довелось заниматься в трех спортивных секциях: волейбольной, гимнастической и туристско-альпинистской. И вот последняя была для меня поистине судьбоносной, т. к. была связана с природой и полностью отвечала чаяниям моей матери, которая была страстной путешественницей, увы, только в мечтах, но очень хотела, чтобы после войны я пошел учиться на географический факультет. Она была уверена, что я вернусь с фронта, ибо родился в «сорочке». Многовековая примета

оказалась реальной. Ведь свой путь на войне мне пришлось пройти на переднем крае фронтов, где пришлось воевать с января 1942 по 1945 год.

Учась в техникуме, я играл в футбол, и в свои 15 лет по рекомендациям моих товарищей меня включили во взрослую команду свердловского «Спартака» в качестве вратаря за мою способность отбивать пенальти и «доставать» мячи у пола при игре в волейбол. И в хоккее тоже был вратарем. И всегда мне доставалось от грубостей нападающих. В то время правилами не запрещалось нападать на вратарей, что теперь карается строго, вплоть до удаления с поля. Особенно доставалось мне в тех играх в которых соперник мог выиграть матч, забив в мои ворота роковой «пенальти». А мне удавалось его отбить, за что испытывал «изошренную» месть нападающих противника. С командой «Спартака» мне довелось объехать несколько больших городов урало-сибирской зоны, что расширяло мои географические познания.

Но судьба делала свое дело и меняла одни мои спортивные увлечения на другие. Богатая профсоюзная организация цветных металлургов имела на Южном Урале в живописном районе туристский лагерь на озере Увильды. В его необыкновенно прозрачной воде были прекрасно видны топография дна и стайки разнокалиберных рыб и безопасных ужей, наводящих ужас на чувствительных девушек. Здесь, на озере, мне пришлось вплотную приблизиться к дикой природе с её очарованием, неистовством комариных атак, лесными массивами плотно сомкнутых между собой еловых ветвей, пройти через которые можно только с помощью топора. А что было у нас на ногах?! Это было русское чудо из глубины веков. Каждому туристу перед походом выдавали настоящие липовые лапти, подобие которых можно увидеть теперь только в сувенирных лавках России. Не имея специальных портянок для обматывания ног, мы шли в носках и до крови стерли все, что можно было стереть ниже голеностопа. Совершив «кровавый» поход, свои раны мы лечили в лодочном путешествии по восхитительному озеру. Это был 1939 год, один из последних перед надвигающейся бурей второй мировой войны.

Год спустя, после активного участия в секции альпинизма, меня наградили путевкой в альпинистский лагерь «Цветмет», расположенный в долине р. Средний Талгар на северном склоне Заилийского Алатау в 51 км от Алма-Аты. Судьба продолжала свое дело. Не могу себя считать фаталистом, однако что-то вело меня в горы, человека, генетически совершенно не горного.

В течение многих лет, работая в горах, мне приходилось встречать множество людей, которые совершали походы, испытывая порой большие нагрузки, преодолевая опасности и лишения. И почти все они были из далеких от гор равнинных территорий бывшего СССР и зарубежной Европы. И очень редко встречались молодые люди, чьи предки, да и сами они, жили вблизи этих прекрасных гор. Конечно, этому есть, по-видимому, объяснение, но, думаю, не в этих очерках его обсуждать.

Поездка в альпинистский лагерь была вехой, через которую шел мой путь в неизвестную мне в то время гляциологию. Помню, как знаменитая довоенная полуторка горьковского автозавода привезла нас, новичков, на перевалочную базу альплагеря «Цветмет», расположенную у слияния двух рек, Правого и Среднего Талгара. Восхищению окружающей нас природой глубоких ущелий не было предела. Кругом росли лиственные и фруктовые деревья, кустарники шиповника и барбариса, вездесущий папоротник и масса других царствующих здесь растений и над ними стройные темнохвойные ели.

Дальнейший путь в лагерь шел по узкой вьючной тропе, местами на самом краю глубоких пропастей, у подножия которых бушевал поток голубой воды из ледников. Тянь-шанские ели сменили лиственные породы и своей статностью, величием и достоинством оказывали на нас буквально гипнотизирующее действие. И среди них

упиралась в небо огромная красавица ель, самая большая в Заилийском Алатау. При одном из очередных ветровалов она не выдержала могучего потока воздуха при вторжении циклона и рухнула вниз.

Великолепие Среднеталгарского ущелья поразило нас в самое сердце. Впереди за изгибом долины на синем небе появляется панорама самых высоких вершин Талгарского массива, влекущих к себе сначала чисто зрительно, а потом зовущих помериться с ними силами и подняться на их высшие отметки.

Палаточный альплагерь. Достигаем его почти через четыре часа, пройдя девять километров тропы и набрав более тысячи метров высоты. Потные, голодные, с надеждой смотрим на возвышающуюся среди палаток столовую – оплот силы и энергии альпинистов. Здесь часто произносили шуточный девиз: «Альпинист ест много, но часто», перешедший потом в бытовую сферу гляциологических экспедиций. Известно, какую роль играет питание в спорте вообще, а в альпинизме в особенности. Мало того что альпинисту приходится испытывать большие физические нагрузки, чтобы поднимать себя вверх, да еще нести на себе тяжелейший рюкзак со всеми атрибутами жизнеобеспечения и техники безопасности при восхождениях. А если добавить к этому борьбу организма с царившим на больших высотах холодом, пронизывающими ветрами и непогодой, то становится ясным, сколько нужно калорий, чтобы сохранить в себе силы и здоровый дух.

За одну смену в лагере собирались до 120 человек, приезжающих по путевкам профсоюзов, подчас не представляя, чем им придется здесь заняться. Перед ними на фасаде привлекательного пищеблока маячит транспарант: «АЛЬПИНИЗМ – АКТИВНЫЙ ОТДЫХ», а по соседству другой: «АЛЬПИНИЗМ – ШКОЛА МУЖЕСТВА». Потом они познают, что это означает, и, подчиняясь дисциплине и статусу лагеря, проходят все учебные занятия по соответствующей программе: она включает в себя технику передвижения по травянистым склонам и осыпям, скалолазание, преодоление снежных и ледяных склонов и ледников. Проводятся практические занятия по организации и проведению спасательных работ на скалах, ледниках, в снежных лавинах, по переправам через горные реки. Будущим альпинистам читают лекции по режиму и темпу движения в походах, гигиене питания и питьевому режиму, защите от солнечной радиации, оказанию медицинской помощи при несчастных случаях. Изучаются вопросы экипировки, защиты от потертостей и холода. Особое внимание уделяется этике альпинизма, моральным нормам, важнейшим психологическим факторам, обеспечивающим успех любому спортивно-альпинистскому мероприятию в экстремальных условиях гор. Всесторонняя программа не назойливо, но целенаправленно готовила молодых людей к жизни, к труду и защите отечества. Пожалуй, ни один вид спорта не решает подобные прямые задачи, т.к. они более всего направлены на достижения рекордных результатов, получения чемпионских титулов и званий, привлечения массы людей к чисто визуальному восприятию соревнований, а не к участию в них. У альпиниста нет зрительской аудитории, болельщиков в привычном смысле слова. Свои подвиги и часто во имя родины они совершают вдали от людей. О них в лучшем случае могут услышать по радио, увидеть по ТВ только после завершения выдающегося восхождения или услышать на лекциях-встречах с относительно небольшой аудиторией.

Однако вернемся в альпинистский лагерь. В 1940 году я совершил свое первое восхождение на вершину первой категории трудности. Сдав экзамены по вышеперечисленной программе, каждый из участников лагеря награждался значком «Альпинист СССР» первой ступени. Этот скромный, но выразительный значок у всех вызывал глубокое чувство собственного достоинства. Ведь он был добыт в нелегких условиях высокогорья. Для меня он стал своего рода талисманом, оберегающим мою жизнь на

фронте, подобно христианскому образу-хранителю. Перед окончанием смены всем, кому полюбили альпинизм, было предложено совершить еще одно внеплановое восхождение, и я принял в нем участие. Тут не обошлось без ушибов, синяков и царапин при спуске по зацементированной мелкообломочной морене. Но это не помешало мне вынести из этого восхождения еще большую страсть к горам.

Среди инструкторов альплагеря было несколько человек, носящих на груди, помимо значка альпиниста, еще и значок парашютиста. Это взбудоражило меня, и по возвращении домой я заявил, что хочу заняться парашютным спортом. Моя родительница была в натуральном шоке, мало того что она пережила, когда я полез в опасные горы, а тут еще и парашютный спорт. Она включила весь арсенал петербургского красноречия против моей затеи, мотивируя тем, что меня в итоге призовут в воздушно-десантные войска и подстрелят как утку или шадринского гуся. В общем, то ли она меня убедила, то ли что-то помешало мне осуществить свой замысел, то ли сработал инстинкт самосохранения. Можно ли через полвека говорить об этом определенно. Но судьба моя не дремала. Она неуклонно вела меня в мир острых ощущений, что и произошло в скором времени.

Я продолжал учебу в техникуме по специальности обогащения полезных ископаемых, а по вечерам вел секцию альпинизма. Теоретические занятия шли полным ходом, все научились вязать специальные веревочные узлы, применяемые в альпинистских связках и для страховки при преодолении трудных и опасных участков горного рельефа. Тогда же, зимой 1940 года, пришла идея организовать из членов секции группу для совершения лыжного похода на север по маршруту Свердловск – Серов. Профком и спортивное общество «Цветмет» активно поддержали секцию, выделили деньги, обеспечили лыжами, снаряжением и всем, что нужно было в походе. Группа была создана и под моим руководством в январские морозы зимних каникул отправилась на север. Нас было четверо ребят и одна решительная девушка, не боявшаяся пройти нелегкий маршрут. В то время Урал был настолько засекречен, что нам не удалось раздобыть карты. Поэтому ориентироваться на местности нам помогал единственный ориентир – железная дорога, которую мы слышали издалика или видели на ней движущиеся поезда. В суровых условиях среднеуральской зимы, где холодные и влажные воздушные массы перекачиваются с западных на восточные склоны Уральского хребта, мы прошли 320 км. Свиристые ветры и мороз сопровождали нас всю дорогу, пока мы не завершили свой амбициозный поход с обморожениями лица, пальцев на руках и ногах. Тем не менее каждый из нас чувствовал, что способен на большее, и готов был отправиться на дрейфующую станцию «Северный полюс», лишь бы позвали.

Жизнь и учеба шли вперед. Секция альпинизма готовила своих членов к поездке в горы. В мае 1941 года каждый из них получил бесплатную путевку и ждал своего часа. Но!!! Разразилась война. Германия вторглась в Советский Союз. Жизнь пошла в колее военного времени. Альплагерь закрылся до лучших времен, а мы, молодые люди, ждали, как дальше распорядится нами пресловутая судьба. А она делала свое дело. Меня в октябре 41-го года призвали в армию, а когда в товарных теплушках привезли в широкие заволжские степи, мы узнали, что будем служить в воздушно-десантных войсках. Я угодил в 20-ю ВДБ и после недолгой подготовки совершил свой первый парашютный прыжок, открывая парашют собственными руками. Прыгали из бомбовых люков известного в то время тяжелого четырехмоторного бомбардировщика ТБ-3 с высоты 1000 м при сильном декабрьском степном ветре. В роте меня сделали химинструктором за мои знания, приобретенные в техникуме, специальность требовала знать химию. Таким образом, я вошел в командное звено роты и прыгал в числе первых. Когда 40-50 моих сверстников, в основном выходцев из беднейших

и разоренных властью уральских деревень, уже висели в прозрачном морозном воздухе, кругом стоял невообразимый, богатый, выразительный нюансами русский мат. Так мои сослуживцы избавлялись от нервного напряжения. У меня к крепким словам никогда не было симпатий и склонности к их произношению. Однако не отрицаю их магического действия на некоторых представителей homo sapiens. Мой прыжок был благополучным, только вот после приземления язык не повиновался мне, чтобы доложить бегающему по полю бригадному комиссару о своем успехе.

Узнав, что я все-таки попал туда, куда никак не хотела моя мама, она уповала теперь на Бога и удивительным образом была уверена в том, что со мной ничего не случится. Во время битвы под Москвой нашу десантную бригаду в экстренном порядке пе-ребросили в район города Киржач, к северо-востоку от российской столицы. После прыжков теперь уже с принудительным открытием парашютов через фалу (сейчас это можно видеть по телефильмам) нашу бригаду расформировали и бросили на пополнение воинских частей московского участка фронта. Меня направили в 26-ю отдельную курсантскую бригаду, обескровленную при контрнаступлении наших войск под Москвой. Затем нас перебросили на Калининский фронт. В бригаде меня назначили без офицерского звания командиром огнеметного взвода. На его вооружении были примитивные огнемёты – трубы диаметром 15-18 см (точно не помню) и длиной около метра. С одной стороны в днище трубы вставлялся патрон, напоминающий патрон от охотничьего ружья. В зависимости от расстояния до цели, а целями могли быть только танки и бронемшины, устанавливался наклон трубы, круглая ампула с самовоспламеняющейся на воздухе жидкостью КС резко опускалась с верхнего конца в трубу, и огнемёт выстреливал. Дальность стрельбы не более 100 м. Чем ближе, тем лучше. Чтобы поразить изрыгающий огонь танк, его надо было подпустить к себе как можно ближе. Выдержка от огнеметчиков требовалась сверхчеловеческая, когда на тебя ползет стальное чудовище. В снегах Калининской области зимой 1942 г. немецкие танки бесполезно барахтались и не могли к нам приблизиться, а мы отпугивали их тем, что наши ампулы воспламенялись на их пути. В конце концов, они отходили, а мы облегченно вздыхали, сидя на соломе на дне двухметрового сугроба. Вскоре поступила команда сдать интендантам эти малоэффективные огнеметы, и я стал пехотинцем. С боями мы шли вперед и радовались, если в освобожденной деревне оставался хотя бы один дом, чтобы обогреться и в тепле съесть наши перемерзшие скудные пайки. Тут меня и свалил сыпной тиф, и с сорокаградусной температурой отправили в инфекционный госпиталь. После излечения и хорошего откорма меня откомандировали в мою бригаду, в которой остались в живых только ее штаб во главе с командиром. Кроме них, было еще три-четыре опытных фронтовика. Поступавшее из тыла неопытное пополнение быстро выходило из строя в боях «местного значения». И мы снова оставались одни в ожидании очередного пополнения. В один из таких тайм-аутов на меня пришел приказ отправиться в штаб корпуса, где, благодаря моему техническому образованию, меня направили на корпусные, а затем на армейские курсы офицеров-артиллеристов. Испокон веков артиллерия требовала грамотных людей, знающих математику, т. к. ведение огня не могло обойтись без специальных расчетов, знания топографии и законов баллистики. Через некоторое время в благодарность за боевые заслуги при остановке немецкого наступления под Великими Луками нас, курсантов, разослали по военным училищам вдали от фронта. Так я попал в Красноярск в 1-е Киевское краснознаменное артиллерийское училище, эвакуированное туда из украинской столицы. После основательной учебы меня направили на Центральный фронт, с боями прошел через Белоруссию, Польшу, Восточную Пруссию и штурмом Кенигсберга (ныне Калининград) закончил свою фронтовую биографию.

По занимаемым мной в артиллерийском полку должностям мне приходилось постоянно находиться в рядах наступающей или обороняющейся пехоты, сопровождать группы по захвату «языков» и прикрывать их артиллерийским огнем. Со мной и моими разведчиками происходило множество случаев на грани жизни и смерти. Иногда они были столь курьезными и невероятными, что было совершенно непонятно, как смерть обходила нас. Все мои подчиненные были опытными бойцами и на дурную пулю, снаряд, мину или авиабомбу не попадались. Знали, что надо делать, чтобы не отправиться на небеса. И все мы остались живы.

Теперь передо мной встал вопрос, как демобилизоваться. Меня, двадцатитрехлетнего офицера, военное руководство так и хотело отправить на кадровую службу. А я этого категорически не хотел. По натуре я был гражданский человек и не наследовал от своего деда по материнской линии пристрастия к армейской жизни. У меня было желание: если останусь живым, немедленно уйти «на гражданку», дальше учиться и работать. Командующий дивизией генерал Долматов всячески содействовал мне, когда я обратился к нему со своим рапортом. Он запомнил меня с тех пор, как на его командном пункте мы вместе отбивали одну из яростных немецких атак. И он подписал приказ о моем увольнении в запас. Слов не было, чтобы выразить свою радость. Открылся путь к знаниям, и мечта вернуться в горы стала реальной и достижимой.

А тем временем, несмотря на послевоенные трудности и массу экономических проблем, альплагерь «Цветмет» вновь заработал и стал принимать будущих альпинистов. Начальник лагеря пригласил меня без всякой путевки в качестве стажера-инструктора. Овладевая учебной работой, мне удавалось совершенствовать свое спортивное мастерство, совершая восхождения на вершины второй и третьей категорий трудности. По окончании альпинистского сезона я возвращался в Свердловск и продолжал учебу в университете. Учебные практики я проходил на факультете весной до начала сезона горовосхождений. Производственную практику по геологии, геоморфологии, ботанике мне разрешили проводить самостоятельно, обращаясь за консультациями в соответствующие академические институты Казахстана, где было много известных высококлассных специалистов из московских научных центров, высланных в Алматы за нелояльность к власти. Было тут и немало ученых коренной национальности, окончивших российские вузы и защитивших там кандидатские и докторские диссертации и овладевших важнейшими для ученого морально-этическими нормами. Работая в альплагере, я собрал гербарий из 150-ти высокогорных растений, один экземпляр которого я подарил ботаникам своего университета, другой – альплагерю. По другим предметам отчеты писал на основе своих непосредственных полевых наблюдений, пользуясь консультациями ученых-геологов и геоморфологов из Института геологических наук. Особый интерес для меня представляла книга «Горы Юго-Восточного Казахстана», написанная сотрудниками Института географии Академии наук СССР под руководством Г.А. Авсюка и вышедшая в свет сразу после войны. Совершая свои походы и восхождения, я воочию видел все разнообразие форм рельефа, описанное в книге, и запоминал их, пополняя свои знания. Спустя несколько лет Г.А. Авсюк возглавил Секцию гляциологии Междудементального геофизического комитета при Президиуме АН СССР и привел советскую гляциологию к ее подлинному расцвету во второй половине 20 века. Несмотря на разницу в возрасте, меня с ним связывала и деловая, и чисто человеческая дружба. Во мне он видел энтузиаста гляциологии, а я в нем – наставника, обаятельного ученого и учителя.

Когда я писал эти очерки, то не раз задавал себе вопрос, зачем столько места уделяю первым двум десяткам лет своей жизни, вместо того чтобы сразу начать их с избранной мной профессии путешественника, географа-гляциолога? Подумав обо всем с позиции прожитых лет, мне казалось, что все события моей жизни были

звеньями одной цепи. Хотя на первых порах невозможно было определить, куда она ведет, разрывая эту цепь, превратившуюся в цепную реакцию, было бы просто неразумно. Ведь все мои спортивные увлечения способствовали формированию тех качеств, которые были необходимы при преодолении трудностей первых походов, экстремальных ситуаций на войне, при альпинистских восхождениях, организации и проведении высокогорных экспедиций в течение почти полувека работы в горах.

Итак, учеба и ежегодные поездки в горы продолжались с 1948 по 1952 год вплоть до окончания университета. Работая инструктором альпинизма, я систематически совершал восхождения на вершины самых разных категорий трудности, выполняя спортивные нормы и вплотную приближаясь к получению почетного звания мастера спорта СССР. Связь с секцией альпинизма «Цветмета» у меня продолжалась, и в начале 1949 г. мной был организован горнолыжный поход на главную вершину Южного Урала гору Ямантау (1640 м). Это был поход при жесточайшем морозе и ветрах. Начали мы его в городке Бакале, а закончили в Белорецке. Невозможно забыть россыпи гигантских обломков кварцитовых глыб на подступах к вершине, покрытых местами глубоким снегом. Велика была опасность попасть в провалы между глыбами, глубина которых достигала нескольких метров. Без веревок извлечь провалившегося было бы просто невозможно. По пути было много курьезных случаев, поскольку прошел слух, что в районе высадились американские парашютисты. Одеты мы были в обычные альпинистские штормовки и были больше похожи на военных, а не гражданских лиц. И только крепкие русские слова от мороза и от усталости были доказательством того, что мы никакие не американцы, а натуральнейшие русские, потому что лексикон был «изящный» и произнести его без акцента абсолютно невозможно.

Будучи инструктором в альплагере, меня как географа привлекала работа и иного плана. В сороковые годы шел процесс инвентаризации ледников, и вместе с тем возрос интерес к недоступным областям их формирования. А уж туда-то мог подняться только альпинист.

Приезжая в Алма-Ату в качестве студента-практиканта, мной были установлены контакты с Сектором географии АН КазССР, который возглавлял Николай Никитич Пальгов, посвятивший много лет изучению ледников. От него я получал много заданий по оценке положения концов ледников, вблизи которых он оставлял метки и топонимы, а также провести измерения толщины снега на водоразделах. Эти задания выполнялись мной на общественных началах, и я постепенно овладевал элементарными азами гляциологии.

Альплагерь «Талгар» (бывший «Цветмет») в лице начальника М.Я. Резникова, весьма талантливого организатора и эрудированного человека, всесторонне содействовал мне в выполнении поручений Н.Н. Пальгова. Это вписывалось в общие задачи советского альпинизма как помощника науки в высокогорных экспедициях. На базе лагеря мной были организованы и проведены две спортивно-научных экспедиции: одна в верховья Иссыкского ущелья (1950 г.), другая – на ледники Правого Талгара и Жарсая (1952 г.). Их результаты были опубликованы мной в двух статьях сборников «Побежденные вершины» за 1951 и 1953 гг., издававшихся в Москве. Каждая такая экспедиция проходила в недоступных частях Заилийского Алатау, и все мы чувствовали себя чуть ли не первооткрывателями. А для географа это что-то значит. Это теперь считают, что на земном шаре не осталось «белых пятен». Не могу с этим согласиться. Несмотря на то, что горные районы Азиатского континента, Северной и Южной Америки отсняты из космоса, и мы имеем представление о ледниках, находящихся там, до сих пор остаются «белым пятном» вопросы их современного режима, баланса массы, значимости в гидрологии рек и т.п.

Мои альпинистские интересы достигли по тем временам наивысших результатов, все нормы мастера спорта были перевыполнены. В 1949 году в группе из пяти человек мне довелось совершить восхождение на главную вершину Заилийского

Алатау – трапецию Талгара. Маршрут к ней шел через ледник Копр, чрезвычайно крутые ледовые склоны которого с перепадом высот в тысячу метров в верхней части были покрыты снегом. Осуществлять страховку здесь можно было через ледоруб, и я невольно получал уникальную информацию о толщине снежного покрова как единственного источника пополнения ледника. Другой гляциологический интерес представляла плоская вершина Талгара, простирающаяся с юго-запада на северо-восток на протяжении более 150 м и имеющая ширину не менее 100 м. В обе стороны от нее спускаются ледники, перемещая вниз накопленные на вершине ледяные массы. В начале сороковых годов Г.А. Авсюк инструментально определил ее высоту в 5017 м. Последовавшие позднее топографические съемки хребта эту высоту снизили до 4974 м, что вполне объяснимо периодическим оттоком льда с вершины. Не исключено, что эта высота может вновь увеличиться или будет снижаться и далее, т.к. отмечающееся в настоящее время потепление климата ограничит аккумуляцию снега на вершине и формирование ледяных толщ не сможет компенсировать отток льда.

С вершины Талгара открывается величественная панорама Тянь-Шаня. В двухстах километрах к юго-востоку видна снежно-ледовая пирамида Хан-Тенгри и плоская вершина Победы. Так что риск и преодоление опасностей при восхождении вполне оправданы. Ничего подобного с других вершин не увидишь.

Второе восхождение на Талгар было в 1951 г. с юга, из так называемого Талгарского провала, являющегося воротами с ледника Талгар Южный на ледник Корженевского. Этот маршрут нами был пройден впервые. Здесь на пути пришлось преодолевать буквально верхом похожий на острие ножа ледяной гребень, обрывающийся на запад полуторакилометровой пропастью, а на восток – крутыми ледяными склонами ледника Корженевского, самого большого в Заилийском Алатау.

Третьим сложным восхождением был траверс вершин Подковы Туюксу. Каждая из пяти основных вершин, которые предстояло покорить, не спускаясь с водораздела, представляла сама по себе сложный объект для восхождения третьей и четвертой категории трудности. Мое участие в этом траверсе было своего рода знаменем. Ведь в окружении вершин этой подковы мне пришлось вести многолетние гляциологические исследования. Недаром в народе говорят, что встречающаяся на дороге подкова является признаком успеха и счастья. Так оно и получилось в моей гляциологической карьере.

На заключительном этапе моей работы в альплагере «Талгар» было не только несколько сложных восхождений, но и встреча с моей будущей женой на альпинистской тропе и покорение в начале высокогорной зимы 1950 г. пика Комсомола в честь предстоящей женитьбы.

Учеба в университете подходила к концу. Тема моей дипломной работы была посвящена леднику Шокальского площадью в десять квадратных километров, расположенному в шести километрах от альплагеря. Руководителем утвердили Н.Н. Пальгова. При поддержке моих друзей-альпинистов я провел цикл наблюдений за режимом ледника и зафиксировал его пульсацию в 1951 г., повторившуюся через 25 лет.

Увидев во мне энтузиаста гляциологии, Н.Н. Пальгов предложил мне продолжить учебу в аспирантуре Академии наук КазССР. Для этого нужно было переехать из Свердловска в Алма-Ату, преодолев ряд преград. После окончания университета меня «распределили» на преподавательскую работу, что явно противоречило моим устремлениям. Я категорически отказался от этого назначения, аргументировав свой отказ вполне убедительно, но понять его членам комиссии было весьма затруднительно. Все они были далеки от гор, от ледников и от географических исследований вообще.

Со стороны Н.Н. Пальгова тоже были приняты соответствующие решительные действия, и тогда первый президент Академии наук Казахстана академик К.И. Сат-

паев подписал письмо в Министерство высшего образования СССР с обоснованной просьбой направить меня в аспирантуру вверенной ему Академии. Все это закончилось успешно, и я с семьей оказался в Алма-Ате. Для меня начался новый этап учёбы. Сначала вступительные экзамены в аспирантуру, затем сдача кандидатского минимума, организация и проведение двух экспедиций на ледники бассейна реки Лепсы в Джунгарском Алатау. Здесь ко мне подключились студент КазГУ П.А. Черкасов и выпускник Уральского госуниверситета Е.Н. Вилесов, ставшие моими постоянными спутниками в гляциологической деятельности.

И вот студент физико-географ должен стать гляциологом, не имея для этого того комплекса знаний, которым тогда обладала эта скромная наука. В 1932 – 1933 гг. проводилось крупное по тем временам научное мероприятие: Программа 2-го международного полярного года (МПГ), в основу которой было положено изучение земных природных объектов, связанных с холодом: ледники, морские полярные льды, полярные районы в целом и т.п. Широкий по тогдашнему замыслу геофизический проект обогатил науку новыми знаниями. Было опубликовано много статей и других работ на основе двухгодичных наблюдений. И когда я начал заниматься в аспирантуре, Н.Н. Пальгов вручил мне список этих работ, касающихся различных аспектов гляциологии того времени. В списке было 300 названий советских и зарубежных авторов. И потребовал от меня прочитать их, законспектировать основные идеи и выводы и периодически перед ним отчитываться. Я вновь превратился в школьника, стоящего выше университетского уровня. Так Пальгов приобщиł меня к гляциологии, которой в университетских курсах уделялось мимолетное внимание. Правда, когда я заинтересовался этой наукой, сам проявил инициативу и изучил монографию С.В. Калесника «Общая гляциология», вышедшую в свет в конце тридцатых годов. Кроме того, по моей просьбе С.В. Калесник прислал мне небольшую брошюру о том, как вести наблюдения за ледниками. Вспоминая ее сейчас, думаю, насколько она была актуальна в то время и как она была бы актуальной в настоящее, дополненная инструментальными наблюдениями и новейшим опытом.

Почти все триста работ были мной разысканы в библиотеках Алма-Аты, прочитаны и в большинстве законспектированы. Последнее действительно весьма полезно для того, чтобы прочно удержать в памяти прочитанное. Студент, пишущий лаконичные шпаргалки, на экзаменах почти никогда ими не пользуется, т.к. их содержание хорошо укладывается в памяти. Такие короткие «конспекты» играют своеобразную психологически успокоительную роль: ну, уж если что-нибудь забуду, то тайком загляну в нее. Так что Пальгов был неплохой психолог. Кроме того, он сказал мне, что помимо кандидатского минимума я еще должен сдать экзамен по гляциологии, что я и сделал. А когда пришел в отдел аспирантуры за соответствующей формой, в которую были занесены все сданные мной экзамены, то там были немало удивлены проницательностью моего научного руководителя, заставившего меня овладеть всеми нюансами гляциологической науки того времени. И среди тех, кто учился на географических факультетах и пришли работать в Сектор географии АН КазССР, я знал гляциологию в полном объеме, тогда как мои коллеги только-только к ней подключились и овладевали ею в ходе работ под моим руководством.

Чтобы успешно завершить аспирантуру, мне нужно было форсировать огромное количество расчетов по оценке талых вод с каждого из ледников бассейна реки Лепсы.

Справиться с этой задачей мне удалось только благодаря тому, что я пользовался какой-то трофейной немецкой счетной механической машинкой, более удобной, чем широко распространенные в то время машинки «Феликс». В нынешнее время все мои весьма трудоемкие расчеты можно было бы гораздо легче осуществить.

А тогда я сидел за машинкой день и ночь, чтобы уложиться в отпущенные мне сроки для завершения диссертации. Это мне удалось, и я представил её к защите. Моими оппонентами были Н.Л. Корженевский – известный исследователь гор и ледников Центральной Азии и О.П. Щеглова – гидролог, доцент, а затем доктор, профессор Ташкентского государственного университета. В начале марта 1956 г. я защитил свою диссертацию, и Ученый совет благословил меня на новые успехи в гляциологической науке, ибо наступало время подготовки к осуществлению обширной гляциологической программы в рамках Международного геофизического года (МГГ), равного которому в науке еще не было.

Вернулся я в Алма-Ату уже в новом качестве, и тотчас мне было поручено изучить эту программу, оценить «аргіюгу» количество и качество специалистов, которые потребуются для ее реализации, и начать подбор кадров. Всегда актуальный лозунг «Кадры решают все» как нельзя лучше подходил к данной ситуации.

Для организации и проведения широкомасштабных геофизических исследований по программе МГГ при Академии наук СССР был создан Межведомственный комитет по МГГ, куда вошли около 20 секций по различным геофизическим наукам, включая и Секцию гляциологии во главе с Г.А. Авсюком. В 1961 году он был переименован в Международный геофизический комитет (МГК). В первом циркуляре МГК обратился с просьбой к Академии наук Казахстана принять участие в МГГ по ряду программ, в том числе по гляциологии во внутрисоюзном масштабе. Уже тогда я понял, что значило это довольно снисходительное предложение. Ведь в советской системе существовали двойные стандарты: для себя можно делать кое-как, никто нас контролировать не будет, сами будем потреблять то, что сделаем. А вот на экспорт все должно быть высшего качества. Амбиции Н.Н. Пальгова и мои собственные были глубоко задеты. Мы понимали, что исследования для внутреннего потребления будут плохо финансироваться, ограничены выполнением далеко не всех пунктов программы МГГ, что означало отказ от дальнейшего развития и прогресса казахстанской гляциологии. От Пальгова мной была получена свобода действий, чтобы добиться от МГК включения нашего небольшого Сектора географии в число учреждений для международного обмена данными наблюдений и их публикации в анналах МГГ. Руководство казахстанской Академии наук поддержало нас и подписало соответствующее письмо «в верхи», издав несколько постановлений, приказов о всестороннем содействии и финансировании наших исследований по полной гляциологической программе МГГ. МГК удовлетворил просьбу Академии наук КазССР. Это была наша победа. Теперь ее надо было закрепить, создав самые благоприятные условия для ее выполнения на международном уровне. Продолжительность МГГ с 1 июля 1957 по 31 декабря 1958 г. была позднее продлена до конца 1959 г. Пришло время переходить решительным образом от слов к делу, и теперь вся моральная ответственность ложилась на меня. От меня потребовалась незатухающая энергия, не дававшая мне покоя ни днем ни ночью. Работал я с увлечением, ощущения усталости как-то не чувствовал. Что значит для человека возможность осуществить мечты своей молодости.

Со спортивным альпинизмом мне пришлось расстаться, но с его прикладной ролью расставаться было нельзя. Работа гляциологов в горных странах – это тот же альпинизм, только в иных масштабах и с другими целями и задачами.

Вот ряд примеров. Исследователю приходится ходить по трещиноватому леднику, опасность которого возрастает там, где его поверхность покрыта снегом. На его пути встречаются лавино-опасные склоны, прохождение которых требует выполнения определенных правил. При подъемах на свободное от снега обрамление ледников надо хорошо знать технику движения по «живым» осыпям, камнеопасным кулуарам, по скалам с разной прочностью горных пород. При установке пунктов

наблюдений на окружающих водоразделах следует избрать наиболее безопасный подъем, быть особенно внимательным к снежным карнизам на гребнях гор, умело преодолевать возвышающиеся над ними скальные выступы – «жандармы», строго выполнять правила поведения при грозах, туманах и снегопадах, ураганных ветрах. Гляциологу нужно знать страховку и быть готовым, чтобы ее организовать. Этим не исчерпывается незыблемый для гляциолога кодекс альпинизма, и мы еще вернемся к нему. Не случайно альпинизм называют школой мужества. Вместе с тем он является противником безрассудной отваги. Будущему гляциологу это полезно знать.

Пришла пора взяться за формирование гляциологического коллектива. Задача эта не простая, т.к. в ней переплетаются множество параметров, которые нужно учесть при подборе кадров. Думаю, что об этом следует здесь написать не только потому, что просто интересно, но и потому, что окажется полезным для будущих руководителей экспедиций или отдельных научных отрядов.

Не помню, чтобы приходилось отбиваться от наплыва желающих помериться силами с суровым климатом гор и холодными ледниками. Однако в итоге была создана гляциологическая группа из 35 человек: научных сотрудников, инженеров, старших лаборантов и вычислителей. Последние пользовались простыми арифмометрами, не мечтали о ЭВМ с программным устройством или микрокалькуляторах.

Знакомство с претендентами на работу начиналось с собеседования по многим вопросам: образование, здоровье, физическая и психологическая подготовленность к работе в трудных и опасных условиях гор и ледников. У меня уже был определенный опыт в оценке физического потенциала претендентов, который, однако, требовалось подтвердить медицинским профтехосмотром и допуском. Непременным условием для его получения являлось здоровое сердце и легкие, нормальное кровяное давление, отсутствие патологии на нервной почве, хорошее зрение. В общем, человек должен быть практически здоров для работы в экстремальной среде. Невольно приходилось быть и психологом. Опыт работы с альпинистами, спортивные восхождения, требовавшие мобилизации психической энергии всех участников группы, общее поведение людей в горах на большой высоте при недостатке кислорода и другие факторы были полезны мне в части психологической оценки претендентов. Приходилось быть «мировым» судьей и оценивать людей визуально без специальных методов. В этом деле не миновать ошибок, и иногда они случались, к счастью, без тяжелых последствий. В беседах меня интересовали личные качества человека: обладает ли он чувством коллективизма, не эгоистичен ли непомерно, робок ли, решителен и уверен ли в себе, способен ли самоотверженно оказать помощь товарищу и работать в отчаянно дискомфортных условиях, не таит ли в себе сомнений в том, что преодолеет все трудности и опасности, не страдает ли чрезмерными амбициями, не боится ли носить на себе тяжелые грузы в пеших походах и т.д. и т.п. В беседах выяснялась и образовательная подготовка соискателей должности, намечались пути для получения дополнительных знаний, усовершенствования навыков ведения измерений, полученных в период учебы, на учебных и производственных практиках. Решались вопросы о стажировке в научных учреждениях, на метеостанциях и в других организациях.

Эта кропотливая работа по формированию научного коллектива вполне себя оправдала. Основной состав сотрудников, взявшись за выполнение программы МГТ, а затем и других геофизических проектов (Колебания ледников, Международное гидрологическое десятилетие и Международная гидрологическая программа), преданно и верно служил науке на протяжении нескольких десятков лет. Все, кто не нашел себя в гляциологии, и те, кто нарушал нормы личного поведения, проявлял и не контролировал свои врожденные или приобретенные слабости, уходил из нашей группы и оседал там, где требования были на порядок ниже и нередко вели

к негативным последствиям, как, например злоупотребление алкоголем. Не всегда удавалось глубоко заглянуть внутрь человека, увидеть его наклонности, неустойчивые психологические параметры личности. Недаром говорят, чтобы познать человека, надо съесть с ним пуд соли. По-настоящему мы себя узнавали, работая на ледниках. А в целом, я постоянно, ненавязчиво и деликатно относясь к своим коллегам, старался воспитать в них необходимые гляциологу качества, уберечь их от ложных амбиций и нетерпимости друг к другу. Гляциологический коллектив должен быть спаянным дружным, оказывать внимание своим товарищам. Ведь кто знает, какое происшествие может случиться с любым из них. Горы требуют от человека постоянной собранности, бдительности, хладнокровия и выдержки, готовности к любым подстерегающим нас опасностям. Еще раз напомним о них: ледниковые трещины, камнепады, густой туман, свирепые грозы, когда с пальцев рук стекают голубые огни Святого Эльма, а волосы поднимаются дыбом и бьёт статическое электричество. Кроме того, и сами сотрудники могут создать чрезвычайную ситуацию: опоздать с возвращением в базовый лагерь до захода солнца, нарушив контрольный срок, совершить самовольно восхождение на вершину, с которой не хватает сил спуститься вниз, изменить строго установленный маршрут для ходьбы по закрытому снегом леднику и попасть в ледниковую ловушку, обрушить камни на подходе к наблюдательному пункту, попасть на снежный карниз на гребнях гор, пренебречь страховкой на опасных маршрутах, игнорировать светозащитные очки, кремы и маски от ожогов кожи лица, не взять на работу запасной теплой одежды и т.д. и т.п. Только в базовом лагере гляциолог, как и альпинист, может позволить себе расслабиться, но всегда быть готовым к неожиданностям. Таким, как внезапно ворвавшийся ураганный ветер при циклонических вторжениях, угрожающий в мгновение разрушить весь палаточный городок, ливень как из ведра и град величиной с голубиное яйцо, сигнал бедствия от незадачливых горных туристов. Пишу это не для красного словца, чтобы создать вокруг гляциологов невообразимый ореол и чтобы читатель думал о них как об исключительных людях. Хотя в определенной степени так оно и есть. Ведь далеко не все хотели бы добровольно испытывать лишения в горах, подвергать свою жизнь опасности, когда можно и без этого обойтись. Поэтому и альпинистов не так уж много, а гляциологов и того меньше. Дело не только в немассовости профессии, а в том, что даже небольшое число необходимых исследователей и их помощников нелегко подыскать для работы в экстремальных условиях гор. И еще хочу добавить, что требования суровой природы к альпинистам и гляциологам со временем воспринимаются ими естественно, без надрыва. Сила духа, скромность, увлеченность, решительность, воля, мужество, романтический настрой и оптимизм помогают им в этом.

Продолжение следует

